

ЭТАП 1: ДИАГНОСТИКА (ДИАМП + ДАТ)

Текст представляет собой смесь школьной комедии и элементов новеллы о перерождении (система, миссии). Основные проблемные зоны:

1. Диалоговая избыточность: В оригинале много повторяющихся вопросительных конструкций, которые в русском языке звучат неестественно.
2. Синтаксическая монотонность: Короткие предложения в сценах взаимодействия персонажей требуют объединения для плавности.
3. Анатомические буквализмы: Описания взглядов и прикосновений («его глаза сузились», «пальцы коснулись») требуют натурализации.
4. Тональность: Нужно сохранить комизм ситуации с «симуляцией» Чэн Пана и при этом передать нарастающее напряжение между главными героями.

ЭТАП 2-5: ТРАНСФОРМАЦИЯ (СДПР + СКУБ-Р + ТХОТ-Р)

— Кто это в тебя влюбился? — напирал Цю Юй.

Чэн Пан обернулся и встретился с ним взглядом:

— Да нет, это я так... сам с собой разговариваю.

— Тогда кто еще в тебя влюбился? — не унимался тот.

«Ну и парень, — подумал Чэн Пан, — чего он так давит?»

— Моя сестра, — выпалил он первое, что пришло в голову. — У неё... в общем, за ней один мальчик бегают, вот я и прикидываю, как с ней об этом потолковать.

Цю Юй наконец улыбнулся, и его взгляд смягчился:

— Вот оно что. И сколько ей?

— Десять.

— Какая ранняя, — усмехнулся Цю Юй.

Чэн Пан мысленно фыркнул: «Это кто из нас еще ранний? Да вы, нынешние детишки, вообще границ не знаете!» Сам он к двадцати четырем годам даже первой любви не изведal — все силы уходили на учебу, до остального дела не было.

— В следующий раз я сам с ней поговорю, — вдруг добавил Цю Юй.

Чэн Пан онемел. «Ты? С какой стати тебе с ней разговаривать?» — вертелось на языке, но озвучить этот вопрос он так и не решился.

Немного поразмыслив, он пришел к выводу: во всём виноват его недавний «злодейский» смех. Видимо, он так впечатлил Цю Юя, что тот начал стремительно «чернеть» и превращаться в собственнического маньяка.

— Цю Юй, а какие люди тебе нравятся? — осторожно закинул удочку Чэн Пан.

Юноша тепло улыбнулся и легонько коснулся пальцами его пылающей щеки:

— Такие, как ты.

Чэн Пан едва не схватился за сердце:

— Кхм... я имею в виду, какой типаж?

— Твой типаж, — отрезал Цю Юй.

«Да прекрати ты со мной флиртовать!» — взмолился про себя Чэн Пан. Стальной натурал внутри него отказывался признавать поражение. Сбрав волю в кулак, он предпринял еще одну попытку:

— Я про характер. Или про качества... Что именно ты ценишь в людях?

Цю Юй на мгновение задумался:

— Наверное, милоту?

«Ну, тут без вариантов, — приуныл Чэн Пан. — Я же буквально из милоты и сделан, в этом теле кости мясом и очарованием заменены. В определенных кругах меня вообще кличут "Милашка-Пан"».

— А какое качество ты ненавидишь больше всего?

— Ложь, — без колебаний ответил Цю Юй.

Ну, этот ответ можно было и не спрашивать.

— А что еще тебе во мне нравится, кроме... милоты?

Цю Юй внимательно посмотрел на него:

— Ты такой мягкий, пухленький. Очень трогательный.

— А есть что-то, что тебя во мне бесит? — Чэн Пан надеялся зацепиться хоть за какой-то изъян и раздуть его до небес.

— То, что ты слишком милый?

Стальной натурал внутри Чэн Пана на мгновение зашатался и почти выбросил белый флаг.

Прозвенел звонок, возвещая об окончании физкультуры. Чэн Пан облегченно выдохнул — наконец-то эта попытка закончилась. Взгляд Цю Юя, сидевшего рядом, был слишком уж жарким; парень буквально не сводил с него глаз, отчего Чэн Пан нервничал и то и дело прикладывался к бутылке с водой.

Когда стайка девчонок, наблюдавших за ними издали, потянулась к выходу со стадиона, Цю Юй взял его за руку:

— Пойдем и мы.

Чэн Пан тут же вырвался. Цю Юй на мгновение помрачнел.

— Слушай, — затараторил толстяк, — мне кажется, о нас и так всякие слухи ползут. Это... не очень хорошо.

Цю Юй на секунду задумался, а затем понимающе кивнул:

— Ты прав. Это может помешать учебе. Давай будем вести себя потише.

Чэн Пан выдохнул с облегчением:

— Вот и славно.

Они бок о бок дошли до учебного корпуса, но стоило им войти, как они наткнулись на толпу учеников, облепивших доску объявлений. Чэн Пан поначалу не придавал этому значения, но на втором этаже всё повторилось: стены были буквально заклеены листами А4. При виде парочки все мгновенно уставились на толстяка.

Чэн Пан подошел ближе и похолодел. На стенах красовалось то самое любовное письмо, которое он когда-то написал Чжоу Цяню. Но имя «Цянь» было кем-то грубо замазано, а поверх красовался иероглиф «Вэй».

Десятки копий кричали на весь коридор:

«Моя любовь к тебе — это священная клятва!»

«Ты — опора моей души, ты вызываешь в моем сердце трепетные волны!»

«Лишь когда я вижу тебя, моё сердце начинает биться!»

Чжоу Вэй сделал это нарочно! Он решил публично унижить Лю Бая!

Цю Юй, с трудом сдерживая ярость, принялся срывать листки:

— Лю Бай просто ошибся, когда писал это. Не принимайте всерьез.

В толпе слышались смешки и перешептывания. В этот момент сквозь людской затор проложил путь Чжоу Вэй с баскетбольным мячом под мышкой.

— Кто это сказал "не принимать всерьез"? Письмо-то написано его собственной рукой, и адресовано оно мне. Какие тут могут быть сомнения?

Чэн Пану хотелось провалиться сквозь землю и убежать на край света. Ну зачем, зачем он тогда выбрал именно этот способ — любовное письмо?! Неужели этот позор будет преследовать его до конца дней?

— Я тебя предупреждал, — процедил Цю Юй, шагнув к противнику. — Не смей использовать это, чтобы издеваться над ним.

Чжоу Вэй холодно усмехнулся:

— А я предупреждал тебя: не лезь не в своё дело!

Атмосфера накалилась до предела. Ученики вокруг уже начали занимать лучшие места: кто-то притащил табуретку, кто-то достал семечки. В воображении Чэн Пана всё выглядело так, будто в коридоре уже расставили софиты, камеры и микрофоны, а в сети уже всюду строчили заголовки для горячих сплетен.

Но в этот момент с конца коридора докатился громовой рык:

— Что здесь происходит?!

«Репортеры» мгновенно свернули свое оборудование и попрятались по углам. Чэн Пан посмотрел на приближающегося завуча Хэ как на ангела-спасителя.

Завуч, словно коршун, схватил Чэн Пана за шиворот:

— Сколько раз тебе повторять? Не устраивай тут свои любовные треугольники! Вы же ученики! О книгах надо думать, а не о романтике целыми днями!

Кто-то из толпы рискнул подать голос:

— Но учитель, у нас же любовный роман...

Чэн Пан резко обернулся: «Кто? Кто этот знаток истины?»

[Система: Ой, извини, случайно вырвалось. Сама порой забываю, что мы в любовной новелле.]

Кажется, кроме Чэн Пана, голос системы никто не услышал. Завуч Хэ продолжал распекать собравшихся:

— Этого толстяка я забираю с собой. И только попробуйте еще раз затеять драку — накажу его так, что мало не покажется. В общем, думайте сами.

Надо признать, завуч был неглуп. Угроза подействовала на Цю Юя и Чжоу Вэя безотказно, охладив их пыл в одно мгновение.

Чэн Пан пребывал в смешанных чувствах. С одной стороны, он был рад, что удалось избежать потасовки. С другой — ему пришлось полчаса выслушивать нудные нотации завуча о «чистоте юношеской души».

Но и на этом мучения не закончились. После лекции его отправили «устранять последствия»

— сдирать со стен письма, которые он даже не клеил. Чэн Пан ворчал про себя: Чжоу Вэй совсем потерял берега. Какими бы ни были его чувства, так подставлять человека просто недопустимо!

Пока он возился с бумагой, мимо него быстро прошла женщина с приметной родинкой над губой. Она что-то сердито бормотала под нос:

— Только перевелся — и уже родителей вызывают! Что за несносный ребенок, никакого покоя от него...

Сначала Чэн Пан не обратил на неё внимания, но спустя мгновение его осенило: родинка у губы! Это же мать Цю Юя!

Не успел он переварить эту новость, как его похлопал по плечу высокий, статный мужчина:

— Паренек, не подскажешь, где тут учительская?

Чэн Пан обернулся и замер. Перед ним стояла взрослая, возмужавшая копия Чжоу Вэя.

— Да, прямо по коридору, — машинально ответил он.

Как только мужчина скрылся за поворотом, Чэн Пан понял: дело дрянь! В школу вызвали родителей! Мать Цю Юя и отец Чжоу Вэя сейчас встретятся у директора. В оригинале они должны были увидеться только в одиннадцатом классе — именно тогда отец Чжоу Вэя узнает, что у него есть еще один сын.

Если они встретятся сейчас, когда между парнями и так искры летят... Быть беде!

Увидев, что отец Чжоу Вэя уже подходит к кабинету, Чэн Пан отчаянно крикнул:

— Эй, подождите!

Мужчина обернулся:

— Что-то не так?

Чэн Пан не нашел ничего лучше, как с размаху рухнуть на пол:

— Ой... голова... как кружится...

Отец Чжоу Вэя опешил. Он в жизни не видел такой топорной симуляции, но, решив, что это всё-таки ребенок, подошел и помог ему приподняться:

— Мальчик, тебе плохо? Давай я позову учителя.

— Нет! — вскрикнул Чэн Пан. — У меня на учителей аллергия!

Мужчина нахмурился: «Как же ты тогда в школе учишься?»

— Дядя, вы не могли бы проводить меня до медпункта?

— Послушай, у моего сына проблемы, мне нужно срочно к директору. Давай я доведу тебя до кабинета и передам одноклассникам?

Чэн Пан намертво вцепился в его рукав:

— Нет, одноклассники меня обижают, я не хочу их видеть! У меня... у меня, кажется, сердце прихватило! Мне плохо!

Отец Чжоу Вэя тяжело вздохнул. Ему казалось, что у парня скорее проблемы с головой, чем с сердцем, но бросить его он не решился:

— Ладно, идем.

Путь до медпункта занял вечность. Каждые два шага Чэн Пан требовал отдыха, тяжело отдуваясь. Когда они наконец добрались, часы показывали половину шестого — встреча с учителем была назначена на пять.

Мужчина с облегчением вытер пот со лба:

— Всё, оставайся здесь, врач о тебе позаботится.

Чэн Пан снова мертвой хваткой впился в его пиджак:

— Нет! У меня и на врачей аллергия!

Отец Чжоу Вэя потерял дар речи. Школьный врач тоже выглядел озадаченным.

— Дяденька, не уходите! Мне так спокойнее, когда вы рядом...

— Прости, парень, но мне правда пора. Скоро уроки закончатся.

— Ой, как голова едет... — запричитал Чэн Пан, закатывая глаза.

Мужчина попытался высвободить руку:

— Врач тебе поможет, отпусти.

Врач тоже подошел поближе:

— Мальчик, ну-ка отпусти дядю, дай я тебя осмотрю.

— Не-е-ет! — взвыл Чэн Пан, включая режим максимальной драмы. — Вы мне так отца напоминаете! Только с вами я чувствую себя в безопасности!

— Да не отец я тебе! — уже не на шутку рассердился мужчина.

Чэн Пан, зажмурившись, вцепился в него еще крепче:

— Папа! Не уходи, папа!

Отец Чжоу Вэй застыл в полнейшем ступоре. Врач просто отошел в сторону, не зная, смеяться ему или звонить в психиатрию. В этот момент у мужчины зазвонил телефон.

Чжоу Вэй, как обычно, не стеснялся в выражениях:

— Ты где застрял?

— Я в медпункте.

— Ты что, совсем занятой стал? Ладно, сам к тебе приду.

Спустя пять минут в дверях появился Чжоу Вэй. Увидев представшую перед ним картину, он замер:

— Вы что тут устроили?

— Это твой одноклассник? — устало спросил отец. — Он на мне весь вечер "подставы" отрабатывает.

— В каком смысле?

— Симулирует обмороки и орет "папа" на всё здание, не отпуская ни на шаг.

Чжоу Вэй посмотрел на Чэн Пана, который изо всех сил притворялся спящим, и прыснул со смеху. Спустя секунду его уже буквально раздирало от хохота. Отец Чжоу Вэя никогда не видел сына таким веселым.

— Тут учитель звонил, — сквозь смех выдавил Чжоу Вэй, — спрашивал, с кем это я там кручу любовь.

Он сел на край кушетки и чувствительно шлепнул Чэн Пана по животу, отчего тот мгновенно «воскрес».

— Ну и? — спросил отец. — С кем?

Чжоу Вэй указал пальцем на ошарашенного толстяка:

— С ним!

Чэн Пан округлил глаза:

— А?!

<http://bllate.org/book/17527/1694746>